

Ульяна Нижинская

НЕДЕТСКИЕ

СКАЗКИ

Смыслы известных народных текстов

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.21 (=161.1)
ББК 82.3 (2Рос=Рус)
Н60

Нижинская, Ульяна

Н60 Недетские сказки. Смыслы известных народных текстов. / Ульяна Нижинская. — Москва: АСТ. — 2024. — 336 с. — (Книга-тренд. Подарочное издание).

ISBN 978-5-17-168043-5

Мы с детства знаем Ивана-царевича и Василису Прекрасную, Бабу Ягу и Кощея Бессмертного; выучили, что злодеи хитры, а наказания старших почти невыполнимы, но если слушать верного коня или волка, то в конце обязательно всё будет хорошо. История фольклорных текстов уходит корнями в глубокую древность, а смыслы их сегодня нам кажутся абсолютно очевидными. Однако, прочитав одну, вторую, третью сказку, мы понимаем, что не так уж прост и однозначен этот древний волшебный мир. Сегодня сказки по-разному интерпретируют психологи, историки, антропологи, лингвисты и литературоведы. Но какой смысл был в них изначально? О чём думали древние люди, сочиняя эти истории? И почему спустя столько времени сказка всё ещё остаётся актуальной?

УДК 398.21 (=161.1)
ББК 82.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-168043-5

© Ульяна Нижинская, текст, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2024
© Анастасия Черезова, иллюстрации
© Анастасия Черезова, оформление

Рецензия на книгу Нижинская У. Недетские сказки. Тайные смыслы народных текстов

Предмет рассмотрения книги Ульяны Нижинской хорошо известен большинству русских читателей — всем тем, кто с детства знаком с рассказами о гусях-лебедях, Бабе Яге и Кощее Бессмертном.

В науке такие тексты называют по-разному: «волшебной» сказкой (В. Я. Пропп, Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, М. К. Азадовский, Э. В. Померанцева, В. П. Анкин), сказкой «чудесной» (В. Ф. Миллер), «фантастической» (П. Н. Сакулин) и «волшебно-фантастической» сказкой (И. М. Колесницкая, Н. В. Новиков). Несмотря на разность номинации, все исследователи подчёркивают, что главная примета «волшебной» сказки, отличающая её от других сказочных жанров, — особая природа вымысла.

Е. М. Мелетинский называет сказку «одним из древнейших видов словесного искусства»: сказка уходит корнями «в народное творчество доклассовой эпохи». «Высокие поэтические достоинства сказки, — считает учёный, — в значительной мере объясняются тем, что в ней выражены накопившиеся столетиями мысли и чувства народа».¹ Последние необходимо понять, чтобы вскрыть особую природу вымысла «волшебной» сказки.

Возникает закономерный вопрос: способен ли современный человек считать глубинные смыслы, скрывающиеся под наслоением самых разных культурных слоев. Ульяна Нижинская полагает, что это возможно. Нужно лишь «посмотреть на сказку глазами того древнего человека, который её создал». Вскрыть тайные смыслы народных текстов — та задача, которую поставила перед собой автор. Решить её Ульяне Нижинской удалось: книга читается на одном дыхании — как захватывающий детектив.

Многослойность «мыслей и чувств» народа в сказке — причина неоднозначного к ней отношения сегодня. Педагоги, например, наперебой твердят о воспитательном потенциале народных сказочных текстов: «Одним из актуальных методов работы по нравственному воспитанию является сказка. Сказка — это удивительное средство, которое воздействует на внутренний мир ребёнка, мощный инструмент развития. <...> Именно со сказки ребёнок начинает своё знакомство с миром художественной литературы, в сказке он берёт свои первые познания об окружающем мире. Через нравственные понятия (честность, доброта, человеколюбие), ярко представленные в образах героев, ребенок учится взаимодей-

---

¹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. — М.: Академия исследований культуры; СПб.: Традиция, 2005. — С. 3.

ствовать с людьми, у него формируется эталон нравственного поведения».² Это с одной — педагогической — стороны. С другой стороны, в сети периодически обсуждают «волшебную» сказку в контексте её «недетского» содержания: то один, то другой сюжет вдруг называют жестоким, сексистским, неправильным.

Чтобы понять, в чём причина такого дуального отношения к волшебной сказке, необходимо установить её исторические корни. Когда-то это сделал В. Я. Пропп, написавший вслед за «Морфологией сказки» (одним из самых популярных трудов по фольклористике) монографию, посвящённую происхождению фантастических текстов. Этой же логики придерживается и Ульяна Нижинская, опираясь и на работу В. Я. Проппа в том числе.

«Недетские сказки» имеют серьёзную методологическую базу: в основе изысканий автора — исследования фольклористов, этнографов, лингвистов, археологов, историков. Книга изобилует ссылками на работы В. Я. Проппа, Д. К. Зеленина, С. В. Савченко, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой, В. Н. Топорова, А. В. Юдина, Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой, О. В. Беловой, Е. Е. Левкеевской, С. З. Агранович, С. Б. Адоньевой, В. Е. Добровольской, К. А. Богданова и мн. др.

Помимо исследования собственно исторических корней волшебной сказки, являющихся основным предметом разговора, автор задаёт и необходимый научный контекст. Из книги Ульяны Нижинской читатель узнает о предпосылках изучения сказок; о тех научных школах и подходах, в рамках которых осуществлялось изучение сказки; о том, какая типология текстов существует в науке; о соотношении сказки и мифа, сказки и обряда и о многом другом. Понятийный аппарат, объёмная методология, богатый сравнительный материал являются достоинствами книги.

«Недетские сказки» организованы по принципу гипертекста. Книга Ульяны Нижинской снабжена богатым иллюстративным материалом: по тексту разбросаны цитаты из художественных произведений, высказывания исследователей о сказке, а также гиперссылки (воспользовавшись QR-кодом, читатель может выйти за пределы текста и ознакомиться с иллюстрациями тех или иных его тезисов).

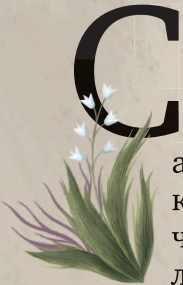
Отдельно стоит отметить лёгкий слог автора. Ульяна Нижинская просто рассказала о сложном: материал подан и выстроен так, что будет понятен не только выпускнику филологического факультета, но и широкому кругу читателей.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики А. П. Липатова

---

² Алексеева Е. В., Иванова И. Г. Роль марийских народных сказок в работе с детьми старшего дошкольного возраста // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей XX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. — Пенза, 2022. — С. 168–171.

ВВЕДЕНИЕ

Сказки бывают разными: волшебными, бытовыми, авантюрными, докучными, о животных и проч.¹ В этой книге мы будем говорить о волшебных сказках. Что значит «волшебный»? Древнерусские языческие жрецы звались волхвами, от этого слова и происходит «волшебный», то есть чудесный, сверхъестественный.² Волхвы не только колдовали и общались с миром духов, но также хранили в памяти мифы, восходившие к первобытным временам. Особенным уважением в народе пользовались волхвы — «кощюнники»: они исполняли на многолюдных собраниях «кощюны» — мифы.³ Позднее именно из этих мифов и появились сказки, которые мы сегодня называем волшебными. А волхвы-кощюнники, возможно, стали прообразом самого одиозного злодея русских сказок — Кощея Бессмертного.

Итак, дорогой читатель, чем же будет интересна вам эта книга?

¹ Классификация взята из книги: Померанцева Э. В. Судьба русской сказки. — С. 8.

² Зуева Т. В. Русский фольклор: Слов.-справ.: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 2002. — С. 221.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — 4-е изд. — М.: Академический проект, 2021. — С. 326.

В этой книге вы узнаете, о чём молчат мёртвая царица и семеро богатырей, куда летят гуси-лебеди и зачем дети прятались от них в печи, кто такая Баба-яга и почему она с Морозко — одно лицо, а также многое другое, о чём вы вряд ли задумывались. Книга поделена на девять глав, в каждой из которых я расскажу вам об обратной стороне волшебства. А помогут мне в этом исследования фольклористов, этнографов, лингвистов, историков, археологов, антропологов и многих других специалистов, изучающих жизнь народов, историю происхождения и становления их культуры и языка.

Мы постараемся взглянуть на сказку глазами того древнего человека, который её создал. Современному читателю многое в старинных сказках кажется нелогичным и вообще неясным, так как он пытается объяснить события давно минувших лет, опираясь на моральные ценности современного общества. Но сказка родилась не сегодня, а в глубокой древности. Поэтому, стоит нам применить знания прошлого, как всё в ней приобретает ясность: действия героев становятся логичными, а события, вытекающие из этих действий, — закономерными. Перед нами открываются волшебные двери в духовный мир наших предков. Во что они верили? Чего боялись? Как представляли жизнь после смерти? Какими были отношения между мужчиной и женщиной? Что в браке раньше было нормой и как эта норма менялась?

Оказывается, обо всём этом сегодня нам может поведать сказка. Вот только чтобы двери в её сокровищницу открылись нам, мы должны знать «пароли», которые спрятаны в прошлом.

ГЛАВА 1

Из истории сказки

Когда и как возникла сказка

С

казка пришла к нам издалека. Там реки текли — прозрачнее слезы. Дремучие леса чернели, словно ночь. И время в сознании человека не делилось на часы и минуты.

Никто не знает точно, сколько тысячелетий живёт на земле сказка, ясно только, что корни её уходят в первобытные времена. Конечно, это не значит, что древние люди сидели в пещерах или землянках у огня и рассказывали друг другу истории о ковре-самолёте и Кашее Бессмертном. Это значит, что сказка берёт своё начало в мифах, которые древние народы придумывали, чтобы объяснить явления окружающего мира. Как появилась земля? Откуда приходят солнце и луна? Почему человек рождается? Где прячется его смерть?

Для некоторых читателей миф и сказка — это одно и то же, но это не так: сказка произошла из мифа. Этот момент крайне важен для понимания материала книги, поэтому я немного расскажу вам о различиях между двумя этими терминами и постараюсь сделать это как можно проще.

Главное отличие мифа от сказки в том, что в миф люди верили как в правду. Первобытный человек буквально «жил

в мифе»: весь окружающий мир был для него одушевлён и обожествлён. Отсюда главные герои мифов — это боги, от которых зависит благополучие людей. вспомните: Зевс, Афродита, Дионис — все они боги мифов Древней Греции, в которых люди в действительности верили, и которым они поклонялись. Один, Тор, Фрейя — боги германо-скандинавской мифологии. У славян тоже были свои боги: Перун, Стрибог, Мокошь, — только славянские мифы до нас не дошли.⁴ Сказка же — это переосмысленный миф, в который рассказчик уже не верит, всё изложенное для него — вымысел: «Сказка вся — болеврать нельзя» или «Правда — нет ли, не знаю», — излюбленные сказочные концовки. Героями вымыслов являются уже не боги, а люди. Так, например, капризная царевна Несмеяна, которую в сказке мы воспринимаем как человека, в мифах некогда была богиней плодородия. Древние люди верили, что от её улыбки зависел урожай. Смех воспринимали как символ жизни: кто смеётся — тот живой, кто не смеётся — тот обитатель царства мёртвых. вспомним древнегреческий миф о Деметре.⁵ Когда Аид, владыка преисподней, похитил её дочь Персефону, скорбь охватила богиню плодородия, и на землю опустилась зима, убив все посевы. Но стоило Персефоне вернуться к матери, как хлебородные нивы вновь начинали колоситься от одной только улыбки богини. Древние греки так и называли Деметру: «Деметра Несмеющаяся» — почти наша Несмеяна! Многие народы во время посевных работ смеялись и совершали на полях сочетания, чтобы земля лучше родила. К примеру, в Афинах и в Александрии женщины пели неприличные песни, следуя

---

⁴ Собственно славянские мифологические тексты не сохранились, никто и никогда не видел и не читал их. Учёные по крупицам воссоздают картину мифологии древних славян, опираясь на древнерусские летописи, христианские поучения и наставления, порицающие язычество, а также на западноевропейские хроники и византийские записи средних веков и т. д. Подробно об этом можно почитать в статьях Иванова В. В. и Топорова В. Н. «Славянская мифология», Н. И. Толстого «Славянские верования» и у др.

⁵ Деметра — богиня плодородия, покровительница земледелия в древнегреческой мифологии.

за колесницей Деметры. Большую роль при этом играл жест обнажения, который, как и смех, считался ритуальным.⁶

Подробнее о царевне Несмеяне я рассказываю в этом видео

Элементы этих языческих верований отразились и в христианстве: в средние века католические священники старались рассмешить прихожан во время пасхального богослужения. Этот «пасхальный смех», по мнению учёных, восходит к земледельческой религии и отражает воскрешение мёртвого. Мы об этом не задумываемся, но с удовольствием шутим на первое апреля.

Народные сказки являются слепком с мира в том виде, в каком он существовал в сознании первобытных людей.⁷

Дж. Фрэзер

Пример с Несмеяной наглядно показывает, как сказка напрямую отразила в себе миф и обряд. Герой смешит царевну с помощью предметов, символизирующих плодородие. По одной из версий, это танцующие свинки, что ещё раз подчёркивает связь образа Несмеяны с Деметрой (свинья играла большую роль в греческом культе богини земледелия как дородное и плодовитое животное).

Но иногда сказка возникает как отказ древнего человека верить в священность и правдоподобность мифа. Яркий пример такого случая — сюжет о Змее Горыныче, похитившем царевну.

В мифологии многих народов змей символизировал плодородие и был хозяином всех вод, в том числе дождя, поэтому люди отдавали ему особые почести.⁸ Чтобы земля была урожайной, перед посевом чудовищу приносили в жертву девушку — топили или оставляли привязанной на берегу. По поверьям, змей брал красавицу в жёны

⁶ Подробнее об этом см.: Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне). — «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 46.

⁷ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980. — С. 741.

⁸ Змей / Иванов В. В. // Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — Т. 1: А — К. — С. 468.

или съедал её — это уж как ему заблагорассудится, ведь главным было умиловить водяного бога! Обряд этот считался священным, и нередко девушка добровольно шла на смерть во благо своего рода. А теперь представьте, что в эпоху существования этих верований людям рассказывают сказку о герое-царевиче, который спасает «несчастную». Такого «освободителя» назвали бы величайшим нечестивцем, ставящим под угрозу благополучие народа! И, возможно, он был бы растерзан.⁹

Однако шли столетия, люди накопили знания о погоде и земледелии, и миф о Змее-божестве, от которого зависела жизнь человека, перестал быть актуальным. Мало того, тот обряд, который раньше считался священным, теперь стал осуждаться. Кому вообще нужно это бессмысленное жертвоприношение? Так появился герой, спасающий царевну... Так появилась сказка, которая переосмыслила миф и отразила новый этап в жизни древнего человека.¹⁰

Со временем люди забыли об этом страшном обряде, и сегодня ни одна мама не станет рассказывать таких жутких историй своему ребёнку перед сном, а откроет красивую книгу волшебных сказок и прочитает малышу, как спас доблестный Иван-царевич Василису Прекрасную, поборов окаянного Змея Горыныча.

---

⁹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. — М.: Лабиринт, 2000. — С. 12.

¹⁰ Подробнее о том, чем сказка отличается от мифа, можно узнать из статьи Е. М. Мелетинского, которая так и называется — «Миф и сказка», а также из книги В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

Тернистый путь русской народной сказки

Кажется, что сказка — это самое доброе и невинное, что только может быть в нашей жизни. Малыш в люльке разговаривать ещё не умеет, а взрослые, умиляясь, уже рассказывают ему небывалые истории. Но так было не всегда. Судьба русской сказки воистину одна из самых сложных и интересных...

В Древней Руси сказки не сказывали, а баили басни. Самих же сказочников звали бахарями.¹¹ Басни любили и в народе, и в верхах. Вот только не всегда они были удобны для последних. Известно, что Кирилл Туровский, проповедник XII века, страшные муки в аду предвещал тем, кто «басни бают и в гусли гудут».¹² Великим грехом было забавляться сказками, ибо они, ведя свою родословную от древних мифов, которые сказывали народу волхвы-кощютники, содержали в себе много языческого. А это было категорически неприемлемым для христианского духовенства, поскольку верить надо во Христа, а не в «птичьй грай»¹³ и «ворожю».

Исполнение басен и песен в языческой Руси было священным. Достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве», великом памятнике древнерусской литературы, где легендарный поэт-песенник Боян — не просто исполнитель, а великий вещун, способный к оборотничеству:

Для автора «Слова» Боян — не просто исполнитель, а великий вещун... Таким же певца изобразил Виктор Васнецов на своей былинной картине «Баян», 1910 год

¹¹ Аникин В. П. Русская фольклорная сказка // Русские народные сказки. — М.: Детская литература, 1987. — Т. 1. — С. 11.

¹² Пономарев А. И. К поучениям о разных истинах веры и благочестия // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. журн. «Странник» под ред. проф. А. И. Пономарева. Вып. 1. — Санкт-Петербург, 1894–1898. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Ponomarev/pamjatniki-drevnerusskoj-tserkovno-uchitelnoj-literatury-vypusk-3-pouchenija-otraznyh-istinah-very-bлагоchestija-i-hristianskoj-zhizni/4 свободный — (дата обращения: 13.09.2022).

¹³ Птичьй грай — птичий крик; в старину существовало гадание по птичьему крику. — *Прим. авт.*

Ибо Боян вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.¹⁴

В кого оборачивается Боян? Он растекается мыслию (возможно, мысию — белкой) по древу, волком по земле и орлом под облаками. Свои сказания поэт сопровождает игрой на гусях, и автор «Слова» сравнивает его пальцы с десятью соколами, а струны — с десятью лебедями. В этих сравнениях звучит глубокое почтение к певцу. И действительно, отношение к культуре исполнения и слушания песен в княжеской среде языческой Руси было особенным. Сегодня среди учёных принято считать, что Боян — это историческое лицо, он был придворным певцом ряда русских князей XI века.¹⁵

К сожалению, тех священных песен кощюнников нам никогда не услышать. Их поэтические тексты до нас не дошли. Христианство, вместе с которым пришла к нам письменность, видело в книге лишь орудие для распространения своей идеологии, поэтому о собирании и записывании басен не могло быть и речи. О том, что народная поэзия все же существовала, мы знаем из запретов, которые духовенство налагало на неё.¹⁶

Запреты запретами, однако вековые традиции, видимо, не так-то просто было искоренить: народ продолжал сказывать басни во вре-

---

¹⁴ Слово о походе Игорево, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Пер. Д. С. Лихачева. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wysotsky.com/0009/303.htm>, свободный — (дата обращения: 15.07.2022).

¹⁵ Долгое время считалось, что Боян (или Баян) — это обобщённое имя певца, произошедшее от глагола «баять» — рассказывать. Но сегодня учёные доказали, что Боян — это историческое лицо. Подробнее об этом см.: Дмитриев Л. А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игорево»: В 5 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, — 1995. Т. 1. А — В. — 995. — С. 147–153.

¹⁶ Христианские поучения и наставления Древней Руси, порицающие язычество, — один из источников, из которых мы знаем о религиозных представлениях и традициях народа тех лет (о его обрядах и поверьях). Другие источники: свидетельства византийских и европейских путешественников, писателей-историков, археологические находки и т. д. — *Прим. авт.*

мя труда, чтобы работа лучше спорилась, на пирах, чтобы душа раскрылась нараспашку в добрый час веселья, или перед сном грядущим. Так, в поучении XII века «Слово о богатом и убогом» рассказывается, как одному богачу слуги «бают и кощюнят», потешая его на разные лады, чтобы тот уснул.

Традиция сказывания басен перед сном жила и в более поздние времена. Басни любил слушать Иван Грозный, у его постели всегда находились три слепых старца-бахаря. Известен также сказочник Василия Шуйского — Иван. А у царя Михаила Фёдоровича сказителей было несколько: Клим Орефин, Пётр Сапогов, Богдан Путятин...¹⁷ Их имена мы знаем благодаря подаркам, которые делались им по царскому распоряжению: «9 февраля 1614 года государев бахарь Клим Орефин получил 4 арш. сукна английского зелёного»; «в том же году мая 7... выдано жалованье другому бахарю, Петруше Тарасьеву Сапогову, 4 арш. сукна английского вишнёвого».¹⁸

Историк русской жизни Забелин сообщает, что «бахарь был почти необходимым лицом в каждом зажиточном доме», тем более в царских палатах.¹⁹ Но вскоре сказка опять стала неудобной верхам. В 1649 году царь Алексей Михайлович Тишайший разослал своим воеводам указ. Отныне те, кто слушал и сказывал «сказки небывалые», нарекались опасными преступниками, ибо «кощунанием» губили они души свои и ближних. Сих преступников неукоснительно ожидала царская кара! Из отписок воевод видно, что данный указ действительно исполнялся.²⁰

Да, суровую войну объявил Тишайший бахарям и скоморохам! А вот когда к власти пришёл Пётр I, сказка вновь вышла из подполья. «То, что отцу Петра казалось оскорблением религии, Пётр расценивал как одно из законных проявлений народной жизни, которое не только ничуть не оскорбляет религии, но вполне может

---

¹⁷ Савченко С. В. Русская народная сказка. История собрания и изучения. — Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1914. — С. 48.

¹⁸ Зуева Т. В. Русский фольклор... — С. 232.

¹⁹ Там же.

²⁰ Савченко С. В. Русская народная сказка... — С. 37—38.

уживаться с ней», — писал исследователь фольклора М. К. Азадовский.²¹

И так из века в век: сказку то запрещали, то разрешали. А если всё-таки она не подвергалась гонениям, то считалась вредной для воспитания детей. Взрослому же образованному человеку вообще негоже было читать или слушать эти народные небылицы! Сатирический журнал «Смесь» второй половины XVIII века сообщает, что родители, которые приучают своих детей к сказкам, «приуготовляют будущим их мужьям и жёнам досады... Тяжко мужу иметь жену, привыкшую к слушанию сказок».²²

Что говорить, в этот период сказка считалась сущей безделицей, ценность которой усматривалась лишь в развлечении. Поэтому Д. И. Фонвизин в комедии «Недоросль» нещадно высмеивал пристрастие к сказкам Митрофанушки и Скотинина, говоря о необходимости просвещения дворянства. И только в следующем столетии Пушкин скажет: «Что за прелесть эти сказки, каждая есть поэма!» XIX век станет временем, когда из нелепой безделицы «побасёнка» превратится в истинную «драгоценность народной поэзии», — именно так о ней выскажется В. Г. Белинский. Но и тут всё будет не так гладко, как хотелось бы.

Как басня стала сказкой?

Любопытно, что сказками до XVII века называли вовсе не небылицы, а достоверные документы: деловые показания, речи свидетелей в суде, объявления и оглашения. К примеру: «В 1672 году, января 15, была сказана у посольского приказа сказка о поражении Стеньки Разина».²³ В значении «вымысел и враньё» сказки стали употребляться приблизительно в XVII—XVIII веках. Видимо, судебные и иные деловые документы были настолько лживыми, что люди стали приравнивать их к небылицам. Так сказка заменила собой устаревшую басню.

²¹ Азадовский М. К. История русского фольклора. — М., 1958. — С. 47.

²² Померанцева Э. В. Судьба русской сказки. — М.: Наука, 1965. — С. 36.

²³ Сказка // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: Т. IV. — СПб. — М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. — С. 194.

Зная историю этих слов, многие читатели отныне не будут удивляться диалогам героев классических произведений. «Но позвольте прежде одну просьбу, — говорил Чичиков в „Мёртвых душах“, Манилову, — как давно вы изволили подавать ревизскую сказку? Я хотел бы купить крестьян». То, что авантюрист подразумевает под сказками — документы народной переписи, а не забавные истории, думаю, теперь понятно всем.

Как сказку стали собирать и изучать

Русская народная душа — загадка. Особенно таковой она была для аристократии начала XIX века. С эпохи правления Екатерины II Россия находилась под флёротом галломании — страстного увлечения всем французским. Лион диктовал моду, Вольтер властвовал над умами, а шампанское было обязательным условием великосветского застолья. Воспитанием дворянских детей занимались преимущественно французы. На сём заморском языке говорили не только в салонах, но и в тесном кругу домочадцев: французский ассоциировался с благородством и изысканностью, в то время как русская речь считалась «низкой», простолудинной. Ею могли изъясняться лишь няньки, кухарки да кучера, то есть обслуживающий крепостной персонал.

Сложно представить, чтобы в такой атмосфере безумного торжества галломании кому-либо в голову пришла идея собирать и изучать русский фольклор. Пропасть между дворянством и крестьянством была огромной. С детства думающие и говорящие на чужом языке, дворяне в большинстве случаев были оторваны от родной культуры. Парадокс, но на процессе 1826 года многие декабристы давали показания на французском, а не на русском. Борясь за свободу своего народа, они плохо знали родную речь или вовсе ею не владели.

Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?